

Юрий Валентинович Пономарёв

**В 90-е годы возглавлял Коммерческий банк для
Северной Европы — Евробанк в Париже.
С 1999 по 2002 год был президентом-
председателем правления Внешторгбанка.**

Лондонские банкиры должны уметь не вязать лыка

В декабре 1973 года я впервые попал в советский банк за границей. Меня направили на три месяца на практику в лондонский Моснарбанк. Председатель правления Внешторгбанка СССР Ю. А. Иванов попросил руководителя этого банка С. А. Шевченко организовать мне как можно больше контактов в лондонском Сити. Сергей Андреевич выполнил пожелание, и в результате я тогда больше времени провёл в других банках, чем в том, где должен был формально проходить практику. Было очень интересно и полезно находиться в дилинговых залах крупных лондонских банков во время активных торговых сессий, видеть разницу в уровне технического оснащения, в количестве торгуемых финансовых инструментов, в общей организации бизнеса. Много времени пришлось проводить и в ресторанах. Некоторые стандарты поведения западных коллег отличались от внешторгбанковских. Например, в то время в Сити долгие ланчи со спиртными напитками были скорее правилом, чем нарушением распорядка дня английского банкира. Это относилось и к валютным дилерам, специфика работы которых требовала временных сильных концентраций внимания при принятии на себя серьёзных рисков, с последующими расслаблениями в пабах. Деловой центр тогда после обеда на ногах стоял не очень устойчиво. Но сейчас это уже в прошлом.

Желания финансировать французскую компартию у меня не было

В ноябре 1989 года я стал генеральным директором, членом правления Евробанка. Это была вторая по значению должность в банке. Первую в то время традиционно занимал французский коммунист.

Мой приезд совпал с огромными изменениями в Советском Союзе. Обстановка там была совершенно не такая, как при моих предшественниках — Юре Полетаеве, Владимире Пономарёве и предыдущих поколениях руководителей. ЦК КПСС определял уже далеко не всё, а скоро и вообще перестал что-либо контролировать. Я, конечно, был тогда членом партии (она была, как помните, одна), не диссидентствовал, а, будучи профессиональным банкиром, на ситуацию смотрел прагматично.

После моего появления во Франции, после появления первых противоречий по вопросу кредитования приближённых к партии коммерческих организаций (таких как компания «Интерагра», издательство «Юманитэ» и десятков других) мне предложили встретиться с главным казначеем партии, а когда я отказался, то и с главой французских коммунистов Жоржем Марше. Я не видел смысла в таких встречах и не принял приглашения. Французские коллеги были в шоке. Для них двусмысленно звучала моя фамилия, а не дальний ли я родственник секретаря ЦК Бориса Николаевича Пономарёва? Эту версию, как мне говорили, поддерживали и соотечественники из посольства. Я же не опровергал и не подтверждал их догадки, мне было всё равно. Никакого отношения к однофамильцу я не имел.

Многое в банке надо было менять, что-то создавать заново. У меня желания финансировать французскую компартию, как и любую другую партию, не было. И я стал блокировать сделки, имевшие не коммерческую,

**Деловой центр тогда после обеда
на ногах стоял не очень устойчиво!**

Пищевая добавка

а политическую основу. Здесь были обидные потери, причём в основном по причине того, что обанкротившиеся в дальнейшем компании этой группы (в частности, занимавшиеся торговлей сельскохозяйственной продукцией) были слишком зависимы от контрактов с СССР. В 1989–1991 годах они потеряли свой бизнес не по своей вине, хотя справедливости ради надо сказать, что и получили этот бизнес не по своим заслугам.

Однажды ко мне в кабинет вошли 20 активистов профсоюза и объявили, что секвестрируют меня (то есть берут в заложники) и что не выпустят из кабинета, пока я не дам указание повысить им зарплату. Если служба безопасности банка вызовет полицию, они с помощью других сотрудников будут биться до конца, и посмотрим, какой материал появится в газетах. Я предложил им чай и бутерброды, а сам принялся разбирать скопившиеся на столе документы. Работая, я обычно полностью отключаюсь и не реагирую на внешние помехи, так что быстро почти забыл о посетителях. В результате часа через четыре захватчикам надоело сидеть без дела и они ушли, ворча, что «это так не оставят». Оставили, так как было очевидно, что необходимость поддержки банка надо было ещё доказать нашим акционерам, самим находившимся в крайне сложных условиях, а наличие социального конфликта эту задачу лишь осложняло.